

НАЕДИНЕ
С СОБОЙ
МАРК АВРЕЛИЙ

БМ

Издательство АСТ
Москва

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)
А21

Послесловие С. А. Котляревский

Аврелий Марк

А21 Наедине с собой. Размышления / Марк Аврелий [перевод с латинского С. М. Роговина]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 320 с. — (Библиотека мудрости. Эксклюзивная коллекция).

ISBN 978-5-17-152212-4

Марк Аврелий — представитель позднего стоицизма и последователь Эпиктета.

В своих философских записях он уделял наибольшее внимание этике, выделив остальные разделы для пропедевтических целей. Если прежние стоики считали душу главенствующим началом, то Марк Аврелий называл ведущим началом разум.

В своём сборнике «Размышления» он приводит аргументы в пользу того, что нужно привести разум в согласие с природой целого и достигнуть благодаря этому бесстрастия. Потому что в согласии со всеобщим разумом заключено счастье.

УДК 1(091)
ББК 87.3(0)

ISBN 978-5-17-152212-4

© Оформление ООО «Издательство АСТ», 2025

СОДЕРЖАНИЕ

Философ на троне	5
Книга первая	7
Книга вторая	24
Книга третья	36
Книга четвертая	51
Книга пятая	75
Книга шестая	96
Книга седьмая	120
Книга восьмая	147
Книга девятая	172
Книга десятая	193
Книга одиннадцатая	214
Книга двенадцатая	234
Марк Аврелий	250

Философ на троне

«Жизнь — борьба и странствия на чужбине. Но что может вывести на путь? Ничто, кроме философии».

Римский император Марк Аврелий Антонин (121—180) всю жизнь был верен этому убеждению. Самодисциплина, хладнокровие и мужество не только помогли «философу на троне», как прозвали его потомки, справиться с разочарованностью и мучительным одиночеством, но позволили придать законченную форму учению стоиков и стать влиятельнейшим философом Древнего Рима. «Смерть не имеет к нам никакого отношения — когда существуем мы, не существует она, когда же есть она — мы уже не существуем», — одно из его известнейших парадоксальных высказываний.

Не обладавший воинственным характером, Марк Аврелий всю жизнь был вынужден проводить в военных походах. «Размышления», личные записи римского императора, которые стали его главным философским шедевром, были созданы им в 70-е гг. II в. н. э. в походной палатке. Эту книгу знают также под названием «Наедине с собой» (по свидетельству врача, знаменитого Галена, последними словами этого благородного человека были: «Кажется, я уже сегодня останусь наедине с собой»).

В своем сочинении автор предстает перед нами как человек, в высшей степени интеллектуально одаренный, необычайно проницательный наблюдатель,

наделенный редкой интуицией. Этике Марка Аврелия Антонина был присущ фатализм, проповедь смирения и аскетизма.

И, несмотря на то что император, подобно многим своим современникам, негативно относился к христианам и поощрял гонения на них, его этические взгляды, представления о разуме и душе оказались близки учителям Церкви и оказали влияние на христианских мыслителей от бл. Иеронима до Л. Н. Толстого.

Настоящее издание включает в себя все 12 написанных Марком Аврелием Антонином книг под общим названием «Размышления», в переводе отечественного историка, философа и знатока многих индоевропейских языков *С. М. Роговина* (1885—1940). Стихотворные фрагменты цитируемых автором поэтов античности даны в переводах поэта-символиста Серебряного века *Вяч. Иванова*. Завершает издание статья известного русского историка, правоведа и общественного деятеля начала XX в. *С. А. Котляревского*.

Книга первая

I

От вера¹, моего деда, я унаследовал сердечность и незлобивость.

II

От славы моего родителя² и оставленной им по себе памяти — скромность и мужественность.

III

От матери³ — благочестие, щедрость, воздержание не только от дурных дел, но и дурных помыслов.

А также — простоту образа жизни, далекую от всякой роскоши.

От прадеда⁴ — то, что не пришлось посещать публичных школ; я пользовался услугами прекрасных учителей на дому и понял, что на это стоит потратиться.

IV

От воспитателя⁵ — равнодушие к борьбе между зелеными и синими, победам гладиаторов с фракийским или галльским вооружением⁶. Неприхотливость, выносливость в трудах, несуетливость и стремление

к самостоятельности в решении дел, невосприимчивость к клевете.

V

От Диогнета⁷ — нерасположение к пустякам, недоверие к рассказам чудотворцев и волшебников о заклинаниях, изгнании демонов и тому подобных вещах. А также и то, что не разводил перепелов, не увлекался глупостями, а отдался философии, слушая сначала Бакхия, затем Тандасида и Маркиана. Уже с детских лет я писал диалоги и полюбил простое ложе, звериную шкуру и прочие принадлежности эллинского образа жизни.

VI

От Рустика⁸ — мысль о необходимости исправлять и образовывать свой характер, не уклоняться в сторону изощренной софистики и сочинения бессмысленных теорий, не составлять увещательных речей, не разыгрывать напоказ ни страстотерпца, ни благодетеля, не увлекаться риторикой, поэтическими украшениями речи, и не разгуливать дома в столе⁹. Благодаря ему я пишу письма простым слогом, по примеру письма, написанного им самим из Синуэсы к моей матери. Я всегда готов к снисхождению и примирению с теми, кто в гневе поступил неправильно, оскорбительно, едва они сделают первый

шаг к восстановлению наших прежних отношений. Я стараюсь вникнуть во все, что читаю, не довольствуясь поверхностным взглядом, но не спешу соглашаться с многоречивыми пустословами. Рустик первый познакомил меня с «Воспоминаниями об Эпиктете»¹⁰, ссудив их из своей библиотеки.

VII

От Аполлония¹¹ — свободомыслие и осмотрительность, стремление неуклонно руководствоваться ничем иным, кроме разума, оставаясь верным себе при невыносимой боли, потере ребенка и тяжелой болезни. На его примере я наглядно убедился, что в одном и том же лице величайшая настойчивость может сочетаться со снисходительностью. Когда приходится с трудом растолковывать что-либо, я не раздражаюсь и не выхожу из себя, ибо видел человека, который опытность и мастерство в передаче глубочайших знаний считал наименьшим из своих достоинств. От него я научился, каким образом следует принимать от друзей так называемые услуги, не чувствуя себя вечно обязанным, но и не проявляя равнодушия.

VIII

От Секста¹² — благожелательность; образец дома, руководимого отцом семейства, представление о жизни согласно природе и подлинном величии, заботливое

отношение к нуждам друзей, способность терпеливо сносить невежество, высокоглядство, самомнение и ладить со всеми. Общение с Секстом было приятнее всякой лести, да и у самих льстецов он пользовался величайшим почетом, вопреки собственному желанию. От него я научился методически находить и связывать между собою основополагающие правила жизни, не выказывать признаков гнева или какой-либо другой страсти, сочетать невозмутимость с самыми нежными почтительными привязанностями, пользоваться доброй славой, соблюдая благопристойность, накапливать знания, не выставляя их напоказ.

IX

От Александра-грамматика¹³ я научился воздержанию от упреков и обидных замечаний тем, кто допускал варваризмы, коверкание и неблагозвучность речи, предлагая им надлежащие выражения в форме ответа, подтверждения или совместного разбора самого предмета, а не оборота речи, либо посредством другого уместного приема напоминания.

X

От Фронтон¹⁴ — понимание того, что тирания влечет за собой клевету, изворотливость, лицемерие и что вообще люди, слывущие у нас аристократами, отличаются бессердечием и черствы душой.

XI

От платоника Александра¹⁵ я научился избегать частых, не вынужденных обстоятельствами, ссылок в письмах и разговорах на свою занятость и не увиливать от обязанностей по отношению к ближним под предлогом «неотложных» дел.

XII

От Катула¹⁶ — внимательность к жалобам друзей, даже неосновательным и вздорным, стремление к улаживанию всех конфликтов, чистосердечная уважительность в отношении к своим учителям, желание воздать им хвалу, как это делали, судя по воспоминаниям, Домиций и Афинодот, а также — истинная любовь к детям.

XIII

От брата моего Севера¹⁷ — любовь к близким, любовь к истине и справедливости. Полученные благодаря ему знания о Тразее, Гельвидии, Катоне, Дионе, Бруте¹⁸ и представление о государстве с равными для всех законами, устроенном на началах равноправия и всеобщего равенства, о власти, ставящей превыше всего свободу граждан. Ему же я обязан неизменным почтением к философии, благотворительностью, постоянством в щедрости, надеждами на лучшее и верою в дружеские

чувства. Он никогда не скрывал осуждения чьих-либо проступков, а его друзьям не приходилось догадываться о его желаниях — они были всем ясны.

XIV

От Максима¹⁹ — самообладание, неподатливость чужим влияниям, бодрость в трудных обстоятельствах, в том числе и болезнях, уравновешенный характер, обходительность и чувство собственного достоинства, старательность в своевременном исполнении очередных дел. Что бы ни говорил Максим, все верили в его искренность, что бы ни делал — в его добрые намерения. У него я научился ничему не удивляться, не поражаться, ни в чем не спешить и не медлить, не теряться, не предаваться унынию, не расточать излишние похвалы, вызывающие позднее гнев и подозрительность, а быть снисходительным, оказывать благодеяния, чуждаясь лжи, имея в виду непоправимость содеянного, а не запоздалые исправления.

Он умел шутить, соблюдая благопристойность, не выказывая презрительного высокомерия, но никто не считал себя выше его.

XV

От отца²⁰ — кротость и непоколебимая твердость в тщательно обдуманых решениях, отсутствие интереса к мнимым почестям, любовь к труду

и старательность, внимание ко всем, кто может внести какое-либо общепольное предложение, неизменное воздаяние каждому по его достоинству, понимание того, где нужна строгость, а где большая мягкость. Благодаря отцу — прекращение любовных дел с мальчиками и преданность общественным делам. Отец разрешал своим друзьям не являться на его обеды и не обязательно сопровождать его в путешествиях; те, кто отлучались по своему делу, при возвращении сохраняли его прежнее расположение. Во время совещаний он упорно настаивал на исследовании всех обстоятельств дела и не спешил положить конец обсуждению, довольствуясь первым встретившимся решением. Он сохранял постоянство в отношениях с друзьями, не меняя их из-за пресыщения, но и не поддаваясь чрезмерному увлечению ими. Самостоятельность во всем, ясный ум, предвидение событий далеко вперед, предусмотрительная распорядительность во всем, вплоть до мелочей, без тени кичливости своими способностями. Приветственных кликов и всяческой лестии при нем стало меньше. И неусыпная охрана того, что необходимо государству, бережливость в расходах и выдержка, когда это ему ставилось в вину. И не было у него суеверного страха перед богами, а что касается людей, то не было ни заискивания перед народом, ни стремления понравиться, ни угодливости перед толпой, а, напротив, — трезвость и основательность; и никогда — безвкусовой погони за новизной. Всем

тем, что делает жизнь легкой — а, это судьба давала ему в изобилии, — он пользовался и скромно, и вместе с тем охотно, так что он спокойно брал то, что есть, и не нуждался в том, чего нет. И никто не сказал бы про него, что он софист, вульгарный болтун или педант, а, напротив, — что он человек сложившийся, совершенный, чуждый лести и способный руководить и своими, и чужими делами. Вдобавок он ценил истинных философов, а остальных не порицал, хотя и не поддавался им. Кроме того, общительность и обходительность, но не через меру. О своем теле он заботился надлежащим образом, не как какой-нибудь жизнелюбец и не напоказ, однако и не пренебрегал им, чтобы благодаря уходу за телом как можно меньше нуждаться в медицине, во внутренних и наружных лекарствах.

В особенности же он без всякой зависти уступал людям, в чем-либо выдающимся, будь то выразительная речь, исследование законов, или нравов, или еще что-нибудь.

Он содействовал тому, чтобы каждый был в чести соответственно своим дарованиям.

Хотя он во всем соблюдал отеческие обычаи, однако никому не было заметно, чтобы он старался их соблюсти — то есть эти отеческие обычаи. Кроме того, в нем не было непоседливости и метаний, он проводил время в одних и тех же местах и занятиях. И после приступов головной боли он бывал сразу же свеж и полон сил для обычных трудов.

Не много у него бывало тайн, напротив, — очень мало, да и редко когда; все они касались исключительно государственных дел. Он был благоразумен и умерен в устройстве зрелищ, в строительстве и в раздаче пособий. Он обращал внимание на самое выполнение долга, а не на славу, которую приносит выполнение долга.

Он не пользовался банями в неурочное время, не увлекался постройкой роскошных зданий, был непритязателен в еде, тканях, цвете одеяний, выборе красивых рабов. В Лориуме²¹ он носил парадную одежду, изготовленную в близлежащем поместье, в Ланувии, по большей части ходил одетым в хитон, в Тускулане носил плащ, считая нужным извиняться в этом, — таков он был во всем. Не было в нем ничего грубого, непристойного, необузданного, ничего такого, что позволило бы говорить об «усердии не по разуму», напротив, он все разбирал во всех подробностях, словно на досуге, спокойно, по порядку, терпеливо, соответственно сути дела. К моему отцу подошло бы то, что рассказывают о Сократе — о его умении и воздерживаться и наслаждаться, в то время как большинство не в состоянии воздерживаться, не предаются наслаждениям. Быть стойким и в том и в другом, быть сильным и трезвым в суждениях — это свойство человека с совершенной и непобедимой душой. Именно таким он показал себя во время болезни Максима.